

Поэзия*

Матери

Над твоей могилой белой
жизни белый цвет.
Сколько лет прошло, уплыло
без тебя, о, сколько лет!

Над твоей могилой белой,
что навек тебя сокрыла,
Тайное, как смерть, несмело
что-то в небо возносило.

Над твоей могилой белой...
Мать, нет тебе забвенья!
Всей своей любовью сына
я молю:
дай душе упокоенье!

* Переводчики стихотворений указаны в комментариях.

**Поэтический цикл
Слово–Логос**

Рапсод

I

Таинству сада в ночи внимаю,
взором души обнимаю Слово,
с пашен мысль улетает немая.
Свежесть сена под темным сводом.
Чистую ясность дна осязаю,
зелени сочность полнится зовом.
Людей голоса стихают, как грозы.
И серебрятся в молитвах слёзы.

II

Молит в час всеошных бдений поэт,
сердцем взывает к готике выси,
«отверзись» — я жажду чуда в ответ:
времени настезь врата раскрылись,
слышу, к намазу зовёт минарет,
звуки его по-детски красивы.
Рядом возносится одиноко
Слово на празднике опресноков.

III

Вижу, огонь дотла догорает,
дрожь пробирает от слова «бедность»,
очи цветенья дуга не знают,
скрыла мечты их тусклая бледность.
Феникса образ в тумане тает,
мнится, что пепла участь — бесследна.
Мрачны слова, черны, точно уголь.
Я соберу их в узел туго —

IV

себя пусть всем другим силам покажут.
В словах есть мощь, есть и рвущийся рев.
Благословеньем, чумою даже
быть могут, схватить, бросить тебя за дверь,
трупом на голые камни ляжешь,
чернь в грудь клыками вопьется, как зверь.
Скорби урок нам в моленье вечернем —
плаче псалмов — израильском, вечном.

V

Душу излей ты в исповедальне.
В таинстве станешь Слова достоин —
небу открыта молитв бескрайность —
Слова-Глагола, что притче подобен
готикой выси, псалмов печалью.
Славен и зрим он в тиши часовен.
Когда ангел с книгой спускается,
высь света лучом разверзается.

VI

Таинству сада в ночи внимаю,
взором души постигаю Слово —
оно плодами вспоено рая,
всходы в нем свежи — и вечно новы,
спелостью судьбы людей питают.
Целости Неба, Земли — основой —
встал Обелиск, звучащий, как гимн,
могучий, в памяти предков храним.

VII

Над стадом, в вечерней мгле бредущим,
печален туман — памятник скорби.
Когти обид вонзились ревуше
в склон, что усеяли камня обломки.
Оникс разбитый — вздох неимущих.

Ночь наложила печать на осколки.
— Слова эти — агнец на общий алтарь.
Их — в жертву! Весталки в венках, как встарь.

VIII

Жрец, ты глаголешь служение словом.
Кто против ветра плыть нынче станет?
Вот этот старец — снова и снова
в вечер, дышащий болью, что ранит,
входит в театр. Актер я. Сурово
смотрит со сцены... Служение манит.
Красит россыпь седин его плечи,
слово не торг, но в нем пламя речи!

IX

К вам я взываю, протагонисты!
В круг все сомкнёмся мощный — с хорами.
И, внемля их голосам речистым,
узрим величье в рожденной драме
слов, что близки нам. И смысл их — чистый.
Летят дионисовыми лесами,
стрелами Феба: быстры, светисты...
Пастырей лживых горластая рать —
ей неповадно во храмы ступать.

X

О Слове драму мы начинаем.
Легенду. Чтоб каждый слышал и знал
притчу. Она в Священном Писанье.
Мастер ее, как железо, ковал
вроде бы сам, но в обличье тайном
и с долотом, заклепав, начертал
Мысль — вдохновенный рассветной зарей.
Давно уж стоит бронзовый зной.

XI

Резчик Великий! В тех мудрых словах
излучается дивная сила.
Чудо. Но в сказанном Богом свята
Любовь. Надежду она взрастила,
мир пред людьми осветив в их очах
Милостью сердца. Даль золотилась.
Стало Слово плотью. Воплошеньем.
Обетов рая земным семенем.

XII

Памятник в глубь земную втиснут
На Крестном пути стопы стигматом,
ввысь устремился в венце лучистом,
в короне терний цвета заката.
В слове — Спасенье. Дороги чисты.
Сломлен барьер, и с Богом мы рядом.
В поле зерном зрит синь небесную
Обелиск силой своей — Крестною.

XIII

Ведома нам закрытая книга.
Преданье знаем: художник, резчик,
владеешь сутью всего и мига,
возносишь, славишь, сжигаешь, грезишь,
чтоб всеединством светились лики.
Мистик, провидец, уста отверзи
объятым жаждой исповедальной:
выковать Слово на наковальне.

XIV

Душа художника — жаркие угли,
камни — раскалены, полыхают.
Прежде бы речь стянуть надо туго,
после любовь ее зажигает.
По струнам сердец — огненным гусям —
смело бейте. И пусть возглашают

глаголом — всеслышимым, зримым:
Свободой, Правдой люди хранимы.

XV

Ночных потоков слышу движенье.
Слова, замерев, на звезды глядят.
Хочется, чтобы лунным свеченьем
стали их смыслы, что в сердце горят,
вспыхнув порою, как обвиненье.
Всевидящий каждому нужен взгляд.
Рапсоду — кровотокающая доля:
чужое страданье — наши боли.

XVI

Старых борозд нехоженных раны,
сухо земля обрывом слоится,
падает слово глыбою камня,
чтобы поле могло пробудиться.
Речь бьет в засовы — ворота канут,
ничто не сдержит, коль нет границы.
Гостей полон дом в праздник рожденья:
глубины глубин пришли в движенье.

XVII

Из штолен, шахт подземельных неслась
лава наружу вихрем фонтанным,
рвала путы в клочья стихии страсть
с дионисовой удалью неустанной.
Порядок был строг, но рушилась власть,
плотины снёс напор ураганный.
Мощью небесной был силе равный —
землю крошил эрозией рваной.

XVIII

Вобрал всеединый жар накала
светильник молельный, многосвечный.

Наспех белым укрыт покрывалом
защитник толпы, ее ответчик.
Рукою правой ветвь пальмы сжал он,
твердое сердце, герой, Предтеча!
И с вестью благою шел на устах,
в Троичной короне свету представ!

XIX

Рытвины, вброд, не сомкнуты вежды,
ноги пусть в кровь, единство — в движенье.
Ветер рвет их — в лохмотья — одежды,
дали зовут, но полны сомнений:
многозначно молчанье невежды —
знойный мираж — неясность велений.
— Ты удивлен: на этой дороге
видишь людей, тоскуешь о Боге.

XX

Памятник в небеса устремился
Крестом Своих плеч, терпением рук.
В горечи вкуса явь обнажилась
тяжких и трудных адамовых мук.
Шипами роза в Твой Лик вонзилась
болью рожденья — извечный круг.
Глянь, Монумент, на людей потоки,
выстели им цветами дороги!

XXI

Исповедь в скорби людской таится.
Право святое — Любовь, Свобода.
Отбрось иллюзии! Светлы лица!
Час — совершить прорыв для народов.
Уйти с пепелищ, к нови пробиться.
Кровь молодая — прочь все невзгоды!
Жертву отринем. Проклят от века
злодей, что тиранит человека.

XXII

Камни собрали, стихает ветер,
слышно звуков глухих бормотанье, —
огонь на жертвеннике ярок, светел,
вторят псаломные им страданья.
Протагонисты, хоры, всем светом
Действо Даров начнем — с признанья
здесь и теперь, чтобы силою Слов
из мрака вызволить толпы слепцов.

XXIII

Эй, там — хоревты, протагонисты,
рыцари смелые, старцы седые,
вы, в кулаке, с жаром неистовым,
крепко сожмите ключи литые,
они откроют клады дионисовы!
Сердце навстречу Любви — святыне!
Творите жертву, сначала — словом.
На волю всех, чьи уста в оковах.

XXIV

Новая речь надеждою зреет,
тоски утоленье, тайна сердец,
неопалимый куст Моисея,
крепость на пашне, где князь есть и жнец.
Факела честь — согласие в вере:
небо с землею — единый венец.
И к Монументу привьется Слово
чудом цветка побега живого.

XXV

Без топора и жертва бескровна,
канули в прошлое вместе с плахой.
На камне-угольнице — жар Слова.
С хлебом, дарами, вольно — без страха
девы, жрицы в одеждах шелковых

вышли, держа караван с маком.
Слов воплощенье. Пред Обелиском
с Христом на устах склонимся низко!

XXVI

Умножь чудом хлеб — всё Твоя воля!
Нас накорми, меня, моих братьев.
Слово святое Гелиополя
пусть мир огласит в звучном раскате.
Общий алтарь, с единою болью.
Из камня — Божьей истины ради:
Любви, что открыта для нас. И нами.
Скрижали полнятся письменами.

XXVII

Вечер лесов, даруй Откровенье.
Мысль улетает с ночной прохладой.
Бремени опыт — не на мгновенье
светлой о Слове откроется правдой.
Оно — любовь и освобожденье,
каждый его как милости жаждал.
И в книгах молитв, одетых в броню,
знание о Слове людском сохраняю.

XXVIII

И смысл конечный всему — Отче наш.
Молитв людей чудесные силы:
в тиши обретешь и другим отдашь.
Звуками хоров нас мать пленила,
печаль в них, но чуток, заботлив страж.
В огнях пастухов любовь хранилась.
Светел Отца милосердием мир.
В слове избыто томленье. Аминь.

Из цикла
Песнь о Боге Сокрытом

1. *Берега, тишиной напоенные*

Берега, тишиной напоенные, начинаются рядом,
но и птицей лететь захоти, не достигнешь их.
Долго будешь взором своим измерять глубины,
пока себя не почувствуешь на дно погруженным.
Глаз не насытится травами в этих глубинах:
взгляд приковался плененный.
Жизнь тебя прячет от Жизни той —
над бездною склоненной.
Из течения нет возвращенья
Вечность простор объемлет таинством красоты.
Длить, продолжать, не прерывать полетов
теням, что стали знакомыми, проще, ясней.
Трепет тебя перед тем, кто оттуда пришел, остановит,
дверь затворить осторожно заставит.
И туда, где лежит тишина, немея,
войду и открою глубины в себе я.

* * *

Он — друг твой. И памятен день:
рассвет, зима стояла.
С каждым годом вера росла: зримость ее вне сомнений,
а удивление не покидало.

Сидишь под лампой склонившись,
высоко перехвачен пучок света,
смотришь и не понимаешь: в ту даль ли, воззрившись,
твой взгляд устремлен, или еще куда-то —

нет, Он — в тебе. А то — лишь ресниц трепетанье,
и слово, пришедшее ниоткуда.
А еще — отголосок того удивления,
что придает смысл вечности. Чудо.

* * *

Пока вбираешь море зрачком открытого глаза
кругами идущих волн,
кажется, утонут в тебе все глубины, границы разом —
но лишь волн ты коснулся,
вдруг понял:
Это море во мне жило.
Повеяло в тиши холодом...

Тонуть, тонуть! Склониться, медленно опускаться,
не ощущая в отливе ног,
дрожью объятых.
Только душа, погруженная в маленькой капле,
захваченная в поток.

* * *

Нет, то не стихия света:
тебя бурно вовлекает море
и уносит на безмолвные глубины —
свет волны, бегущей, вспыхивая, гаснет.
Море кончилось. Лишь ясность на просторе.

И дробясь в зеркальных отраженьях,
тень свою выхватываешь только.
Укрыться в этом Свете жаждешь,
сам прозрачностью не обладая,
ясностью меж тем объятый.

В душу загляни свою. Там — Друг.
Искра Он, но и Само Свечение.
Искру ту в себя вобрав, не замечаешь
и не чувствуешь: Любовь вокруг не на мгновение.

* * *

С легкостью блеск восприиму слова,
в мысль войду, как в скопище теней.
С легкостью всё пустою наполню,
ожидающей дня творения.

Для того чтоб пространство было
в Твоих руках, ко мне обращенных.
Для того чтобы в вечности жило
мое дыханье, Твоим напоенное.

Но что бы мне дал день лишь творения?
Нет, пустота дороже, милее.
В ней мое сердце бьется в рвении
слиться с Любовью Твоею.

* * *

Душа цветком расцветает, Боже,
к солнечному теплу устремляясь.
В тайне дней да явится свет непреложный,
берега моего касаясь!

Меж небом и землею
гори, не сгорая, —
душа этот взгляд не забудет:
в нем ожидание вечности рая.

Склонись с душою и ты, солнце прибрежное,
в глубины глубин вникая,
над этим цветком недосыгаемо нежным,
хрупким, как веточка в мае.

* * *

Люблю тебя, душистое сено, —
Колосьев спелых нет в тебе гордыни.
Люблю тебя, душистое сено, —

Твое тепло в Новорожденном Сыне.
Люблю тебя, суровое древо,
Без листьев и в сучках корявых.
Люблю тебя, суровое древо,
Ты щит ему от ран кровавых.
Люблю тебя, пшеничный хлеб,
Сокрывший вечность на мгновенье.
Знаком с ней всякий, кто не слеп, —
Наш берег полон откровенья.

* * *

— Сыне, когда отойдешь Ты,
глубины поднимутся в вечность,
в которой мне всё известно.
— Отче, Любовь — это долг
вознести себя с Честью.

— Сыне, смотри, рядом с Твоим сиянием
колосьев набухших зрелость.
День настанет — Твой блеск воспримут,
Я почве отдам Твою яркость.

— Отче, смотри, рядом с Твоей любовью
взгляд Мой находится,
навечно вобрав этот день,
а он травой поднимется.

Руки Твои оторвут с Моих плеч...
— Сыне, свидетель Ты умирания,
свет Твой, когда настанет тот день,
зерну в земле Я отдам для прорастания.

— Отче, руками, с плеч Твоих снятыми,
с деревом соединюсь, от коры очищенном,
и насыщу пшеницы цвет бледно-светлый
тем блеском, которым она колосится.

— Сыне, когда отойдешь, Любовь Моя вечная,
Постигнут ли будешь Ты?

— Отче, Я вижу, как вместе с заливом солнечным
Твой взгляд растет, поднимается.
Я глаза людей очищаю,
что наполнены светом пшеничным.

* * *

Встать пред Тобой и смотреть глазами,
в которых скрестились лучи звезда,
знаком ли вам Тот, Кто в вас пребывая,
отдал и Свой, и звезда бесконечный блеск?

Это значит, не столько знать, сколько верить,
медленно веки прикрыть от света, трепета полного,
взглядом потом отряхнуть наплыв звездных ресниц
и отклик почувствовать дня пробужденного.

Господи, Боже мой, преобрази
слепоту в зрение
и в расселинах роз дрожащих дуновенье души
ветром большим обойми!

* * *

Трепещет душа, а не дерева лист,
он не стремится за солнцем
и гаснет с последними красками зелени,
его не тревожит томленье,
что свет уже за околицей.

Зачем знать листу про заутренний блик,
про день и восход неизменный?
Смерть — излучения легкий миг
Солнечных прикосновений.

* * *

Когда на грусть нисходит вечер,
То все окрест в едином свете
Каким-то странным зельем дышит,
И терпкий привкус на губах.
Чтоб одному не быть в томленье,
Прошу тебя, о сумрак ночи,
Скорее скинь покров кошмара
И вечности дай запах хлеба.
Из ничего исторгнув время
И бросив мост к другому берегу,
Ты слышал плач мой издалика —
Его извечное звучанье.
Ты знаешь, что ностальгию
Того, кто раз познал Твой образ,
Не заглушить манящим солнцем —
На ней следы шипов и кровь.

* * *

Космос — от листьев тяжелая ветка,
солнечным светом оплываемая.
Взгляд — бездна спокойная,
открытой ладонью вбираемая.
Листья с трепетом падая,
обозначат поверхность, что видима,
бездна, от глаз сокрытая, в глубь устремится
к Тебе — Сокрытому.

* * *

Чем выше милость, тем она и проше,
Хоть помыслы тоской уязвлены.

Немудрено, что и Господь желает
Чтоб возлюбил Его простой народ.
Неприхотлив он, да и сердцем чист,
А в доброте своей немногословен.

Приветил нас однажды Сам Господь,
Очаровав Своей простотою
И бедностью, не знающей предела.
Вот Богоматерь, приподняв Дитя,
И в рубище Ему укутав ножки,
Качает нежно Сына на руках

О чудо несказанное! О чудо!
Я в человечности сокрою Бога,
А он любовью защитит меня
И беспримерной мукой на Кресте.

* * *

Он часто подолгу глядит на меня оттуда,
взглядом Своим обращая к Себе мое лицо.
Знаешь ли ты, знаешь ли, брат мой,
какова она, любовь нашего Отца?

Глубин тех слов никто не знает,
причин отдаленных — не угадает.
Что за мука была безмерная —
одинокчество на распятом древе!

Но не кровь, что на древе том расцвела,
как расцветет всякий труд в будущем хлебе, —
этот отказ ради Отца,
отвержение...

За те слова: Ты для чего Меня покинул,
Отче, Отче, и за Материнский плач —
Я на устах Твоих во искупление оставил
простых два слова: Отче наш.

* * *

Есть во мне прозрачная страна
в блеске озера Геннисарет,

лодка, пристань рыбака,
тихих волн удары...

И толпа, толпа сердец,
схваченных Сердцем Единственным:
Сердцем самым простым
Милосерднейшим!

Может, снова — вечер с Никодимом,
может, снова — у берега моря,
куда прихожу ежедневно,
красотою Твоею влекомый...

А всё это — вечер с Никодимом,
та страна и рыбацкая пристань,
бездонная пучина
и голос такой близкий, —

а всё это — исток одного белого —
белизны чистейшей —
в человеческом сердце отмечен он
кровавым приливом багряного.

**Из цикла
Песнь о блеске воды**

У колодца в Сихеме

Всмотрись-ка, серебряной змейкой волны играют —
глубины дрожат полнотою,
как зрачок, дна виденья достигший.
Вода всю усталость вокруг твоих глаз омоет,
лица твоего отражением листьев коснувшись.
Как далеко до источника!

Усталость в глазах — знак,
что темные воды ночи струились в словах молитвы
(неурожай, неурожай душ),
а ныне свет глубокий колодца пульсирует в слезах,
вытесненных — думают путники — дуновением сна...

А меж тем
колодец во зоре твоём — лишь листвы мельканье.
В змейке травы отраженной лицо твое скроется
на самом дне.

Разве исток еще не достигнут?
Сколько в Тебе людей трепещет,
просветленных слов Твоих блеском,
как зрачок просветляется блеском вод...

Людей узнаешь Ты по свету, по этой усталости...

Вот, что сказала женщина, уходя

Закрылось за мной с той минуты неведение, точно дверь,
в которую Ты вошел, всё познав, что неведомо было мне прежде,
молча провел сквозь меня столько людей,
дальних путей и улиц...
Огонь еле тлел в сердцах их.

Воспоминания о встрече

Так в себя смотреть никто бы не решился.
И узнавать. Не глядя. Все знания заключал в Себе Он.
Будто колодец, что вод сверканием лицо овеет.

Владел особым зеркалом... Как этот колодец с сиянием на дне.
Сосредоточен в Себе, взгляд за прикрытыми веками —
любопытства ни тени.

Видел меня в Себе. Владел мною,
без усилий в меня проникнув.
Стыд из меня фонтаном и мыслью, давно усмирненной.
Будто к стучащим вискам прикоснулся.
Вдруг усталость во мне — неподъемную — превозмог...
Бережно...
Слова были простые. Шли рядом со мной, словно стадо овечье.
А внутри... Птицы из гнезд с шумом сорвались.
Ты был в моей тайне, но был и в грехах.
Скажи, Тебе больно — ведь это так трудно —
(волна мысли тяжела, как металлическое веко)?
Молчишь... Сегодня я всё понимаю. Ты словом простор тому дал,
что раньше не постигала во всем я величье.
Любовью своей мне б хотелось врачевать эти раны...
Взять у Тебя их и себя связать ими крепко...

Да опоздала. Отныне страданье каждого, через Тебя пройдя,
становится Любовью.

Вот это — поворот! Здесь доброта познания!
А Ты и глаз не поднимал. Твои прикрыты веки.
Со мною говорил Твой взгляд — он полон тайны откровения:
в нем пребывал глубинный блеск колодца. Отныне и навеки.

Самарянка

Колодец связал нас с Тобою,
меня Тобою наполнил.
Вокруг ни души, лишь его глубинный блеск,
дрожавший, будто яркий зрачок в орбите камня, —

навсегда я там, в глубине Твоих глаз,
сокрылась в них, как в колодце.

Песнь о блеске воды

С тех пор, как я черпнул воды со дна,
Мои зрачки искрятся чудным блеском,
И этот свет познаний обретенных
Во мне не угасает по сей день.
Но зеркало колодца отразило
Ту пустоту, которая во мне.
О откровенье свыше! Будь со мною,
Как павший лист на глубине колодца,
Придай побольше радости очам
И отгони от них подале грусть.

Из цикла
Мать

Зрелость сосредоточенности

Матери знают мгновенья, когда тайну
им открывает свет, как проблеск в зрачке,
будто сердца толчок за легкой волною взгляда,
искры без следа исчезают.
Ибо душу мою наполняет ясность:
Сын мой великий и трудный, Сын мой простой,
Не во мне ль Ты постиг помыслы людские,
в тени пребывая их, ждешь глубокой минуты сердца,
в каждом она по-своему зачинается —
во мне материнства исполнена —
и никому не отнять это мое состоянье.

Ты ж перемен не заметишь в миг ожидания,
просто вберешь в Себя всё, что во мне хранилось.
Матери в глазах детей читают сердца свет.
Я в Таинстве Твоем пребуду погруженностью в себя.

Песнь откровения

Я не знала, что песня внутри мне себя подарила.
И жила средь людей, измеряя волнением их
каждый шаг свой и мысль, что на сердце по-женски носила.
В их звучании не было ноток глухих.
А когда разомкнулся и в колокол будто ушел той мелодии звук,
я узрела: выносит Тебя из укрытия Слово,
точно свет, что проник в глубину моих мыслей, отринув испуг.
Слышать будешь всегда эту песнь, даже если она оборвется.

Будет долг Твой путь, встречи разные будут и люди,
ровный пульс мой — его в ритме дней Твоих узнаю.

Нет напевов иных. Песнь себя не избудет
и услышится эхом, что равно всему бытию.

Вернувшись, замрёт на губах, точно шепот,
здесь легко, и ничто не грозит ей: ни шум и ни ропот.

Из цикла
Мысль — удивительное пространство

Сопrotивление словам со стороны мысли

Случается, в момент беседы вдруг истина вас озаряет,
и слов нет выразить ее, такого жеста нет и знака,
но тотчас понимаешь и другое: нет слов, такого жеста нет и знака,
чтоб передать весь образ,
который лишь наедине постигнуть можешь, вослед Иакову
стремясь его осилить.
Да разве дело в том, чтоб ухватить сам образ, —
и мысленно попробуй одолей его.
Иль в том, чтоб передать подобие всего того, что есть у нас внутри?
Способны ли поступком нашим проникнуть в глубину того,
что составляет суть, нас мыслить побуждающую?

Сопrotивление мысли со стороны слов

Если испытывая недостаток зрения, прорываться станешь сквозь
буквы и знаки
к тому, что лежит, словно груз, и, как плод, созревает в словах.
Может, это и есть та самая тяжесть, что почувствовал однажды
Иаков,
когда гасли в нем звезды усталые, будто у овец его глаза.

И капле вешнего дождя пространство нужно

Направь на каплю дождевую взгляд.
Она покрыта вешним изумрудом,
Листочков нежность всю в себя вобрал.
И сколько б ни было в глазах восторга,
Но мысль словами вряд ли передать.
Не три глаза спросонок, как дитя, —
Блеск красоты в тебя вошел глубоко.
Слова бессильны. Разве непонятно?

Чтоб выразить осознанное чудо,
Ищи в себе пространство потайное.

Спутникам

Все наши дни полны привычных дел,
Чья суть сокрыта суетным покровом.
Мы верим: после нас всё наносное
Исчезнет, обнажив деянья наши.

Из цикла
Киринаянин, в профиль увиденный

Меланхолик

Груз взвалить на себя? Слишком долго во мне эта боль,
что вначале была неприметной,
постепенно съедает, как моль,
как ржавчина губит железо.

Взять и вынырнуть из течения скрытого, страх ожидания преодолев!
В простоте и величии быть, да не мне эту бездну измерить.
Изнурительной может стать жизнь, но прекрасен ее напев,
так возьми и сравняй эти оба начала в едином порыве — точном
и зрелом!

Назад не глядеть. И толкать эту хрупкую тяжесть вперед,
с интервалом — он времени такт, и не надо считать, что осталось,
пусть в сознание та тяжесть рассыплется в прах,
мук в ней нет никаких, лишь усталость.

Вот когда я смогу пребывать не с собою, а с Ним,
больше с Ним —
и, забот суету отодвинув,
дать дорогу поступкам простым.

Слепцы

Стуча клюкой по камням мостовой,
Мы обретаем нужное пространство,
Но каждый шаг дается нам с трудом.
В пустых зрачках мир, отражаясь, гибнет —
Мир, непохожий ни на что другое.
Он соткан не из света, а из звуков:
Шум улицы, гудки, обрывки фраз.
Как полнотою жизни насладиться,

Коль нам без выбора дана лишь часть?
С какою радостью любой из нас
Судьбою поменялся б с человеком,
Который без клюки мир созерцает.
Навряд ли сыщешь долю горше нашей.
Ужели в слепоте искать отраду?

Актер

Сколько ролей прошло чрез меня.
Стал я чревом, рождающим силу,
имя которой есть человек.
Если и я зовусь человеком,
исказили ль меня персонажи?
Нет, воплощаясь в них на подмостках,
я всегда оставался собой.
Что во мне может жить без боязни?

Молодые

Они растут в любви и вдруг взрослеют.
Бредут рука в руке среди толпы
Сердца плененные, как птицы в клетке, —
Всё человечество обнять готовы.
И вот они вдвоем на берегу:
Густая тень, луна и страстный шопот.
Туман садится — их сердца парят.
Когда домой вернуться, что их ждет?

А вот луч света, что скользит по листьям,
Вскрывает их неведомую суть.
Вы сможете сберечь в себе ростки
И поверять любое зло добром?

Мысли человека

Молчи об имени. Но с каждым «я»
Что всеу изрекается устами,
Соотноси все то, что в сердце гибнет,
Что движет постоянно человеком
И хлад в тепло, ночь в день преобразует.

Рождаются другие поколения,
Взвалив на плечи груз страданий крестных.
Земля отходит от тебя порою
В простых заботах, суетных делах.

Я не дорос до остальных людей,
Чья правда надо мной, как тяжкий сук.
Пытаюсь стать им вровень, но с трудом.
Один лишь образ я ценю и славлю.

Мне многого пока недостает.
Возможно, слишком многого. Как знать?
Молю — мне не давай искать себя.
Пусть мыслей след моих песок согреет.

Рабочий автозавода

Творенья рук моих всем напоказ.
Не я в них мчусь по автостраде,
Где суд вершит полиция, — не я.
Не у меня, а у машин есть голос.
И всё же я душой хочу понять:
как жить и с кем бороться? Нет ответа.
Нельзя об этом громко вопрошать —
Я должен в шесть утра быть на заводе.
Так есть ли вес у человека в мире?

Рабочий военного завода

Ни к миру, ни к войне я непричастен.
Не знаю, грешный, я с Тобой иль против,
И всё это всерьез меня тревожит.
Обтачивая мелкие детали,
Кую я страшное оружие смерти.
А я способен сотворить иное,
Но как тут без деталей обойтись?
Я мог бы быть, как все, самим собою,
Частицей составной большого дела
Без всякого словесного обмана.
Но мир, в котором я тружусь, не добр.
Не я повинен в том. Так кто же?

Из цикла
Церковь

Стена

Вот стена простая и ее фрагмент:
бег пилястров стройных, ряд глубоких ниш,
где стоят святые в мраморном молчанье.
Статуи в порыве людям шлют Посыл,
зримо исходящий из раскрытых книг.
И стене не в тягость своды, да и люди —
узники скорлупок страждущих сердец.
Ей не в тягость пропасть, к коей мир сползает.
И так будет вечно на земле, покуда
млеком материнским вскормлен человек.

Пол

Стопами мы касаемся земли.
На ней покоятся колонны, стены...
И мы бы заплутали среди них,
не будь путеводителем нам Пол.
Лишь он объединяет все пространства
Не только ренессансного строения,
Но даже те, что в нас заключены.
Мы сознаем, сколь в нас сильна ущербность.
Ты, Петр, — поводырь для всех идущих,
Не знающих порой конечной цели.
Путь сокращая и лаская взор,
Ты служишь нам надежной опорой —
Скалою для пасущихся овец.
Скале подобен и сей Пол во храме,
Но только пастбищем тут — крест.

Размышления об отцовстве

*Ex quo paternitas in coelis
et in terra nominatur*

Столько лет ощущаю себя изгнанным из глубин своей индивидуальности, приговоренным меж тем ее углублять.

В течение всех этих лет неустанно, с трудом продирался я к ней, не без ужаса страшась, что погублю ее, затеряется она в массовых явлениях.

Недаром зовут меня Адам. Имя, в котором встретишь любого, но и в имени этом всё то, что человек привносит с собой, может обернуться заурядностью. Вот так рассуждал я все годы: сотру-ка следы своей личности и отождествляюсь с каждым, историю которого пишет толпа. Что еще означает имя АДАМ?

Хочешь сказать, что здесь есть нечто глубинное? Что же? Вдруг с ужасом назад отпрянешь?

Да, пусть я — человек, которого за скобки вынесешь и сноваставишь в единую историю людей — как общий знаменатель — я по-прежнему один.

Одиночества никто не назовет грехом, однако я-то знаю, что оно такое. И знаю, что собой Адам являет, который угодил меж обещанным отцовством и собственным одиночеством. Кто его оторвал от людей, обрек на одиночество среди них? Нет, одиноким он стал по собственной воле. Чтоб и другим привить одиночество? И это не назвать виной?

Он Одинок. Думал я: «Что может быть ближе, чем Он, как не одиночество, что делает еще больше на Него похожим, то есть, — думал я, — еще более независимым от чего-либо?»

Если бы, вылепив меня из глины, Он проговорил: «Глина, лепи дальше!» — слепил бы я не одного такого. Впрочем, Ты лучше всех владеешь невероятными температурами в печах, плавящих руду, Ты, для Кого все расчеты атомов — простейшая интуиция, а не собрание формул и чисел.

Безусловно, я бы немало вылушил из Твоего ума и пересадил бы в свой мир, при этом крича — что истинная правда — «это я!

это я!». Но ведь мир этот и так был бы Твоим. Ибо... что такое я... чье существование постоянно прерывается?

Неужто я вынуждаю Тебя прикоснуться к моей мысли Твоим Рождением, а к воле — той Любовью, которая в нем исполняется, но из него же и возникает? Во мне она никогда не исполнится, ибо я на такое не способен. Ты во мне обманулся. Разве не проорал я сразу же: «Оставь мне мое одиночество!»? Зачем же тогда так орал я? Знаю, орал себе наперекор. Но еще больше — наперекор Тебе.

Скажу больше: из всех слов я решил исключить слово «моё». Как же могу я так говорить или думать, если знаю, что всё — Твоё? Пусть не Ты родитель в каждом рождении человека, всё равно, тот, кто рождается, — Твой. Даже сам я более «Твой», нежели «мой». Следовательно, я осознал, что нельзя мне «моё» говорить на «Твоё». Нельзя: ни говорить так, ни думать, ни чувствовать. Из этого надо высвободиться, отказаться от всего, ничего не иметь, ничего не хотеть в виде собственности (а «мой» — это значит «собственный»).

Меня пугает слово «моё», хоть и люблю я его в то же время больше всего на свете. Но и больше всего скрытого в нем страстно желаю. Пугает, однако, оно потому, что ставит меня непрестанно лицом к лицу с Тобой.

Основательный анализ слова «моё» всегда приводит к Тебе — и вот от него я готов отказаться скорее, чем его обнаружить в Тебе. Ибо мне хочется, чтобы всё было, благодаря не Тебе а мне. Бессмыслица? А сколько людей впряглось в нее? Какие они сегодня, люди, посреди все растущего их числа? Разве не стали они более одиночками? Количество не создаст любви — одиночество не залог самостоятельности, которая борьбу лишь порождает. И чем ответствовать? Может: «Прости, что так упорно отстаиваю свой замысел? Что остаюсь тем общим знаменателем, а под него любого можно подвести, или для всех примером, который вынести легко за скобки? Все время уваливаю от Твоего Отцовства и к одиночеству тянусь — и Ты, выходит, явиться вынужден мне как бы во внешней пустоте?»

Да, Ты Свой замысел осуществляешь.

Ты в этом абсолютен и решителен. И планы все Твои неотвратимы. Самое удивительное — результат: Ты не бываешь против ме-

ня. Вторгаешься в то, что я обозначил одиночеством, и рушишь сопротивление во мне, с ним связанное. Ты правда в него проникаешь? Или проходишь в двери, которые и так распахнуты? Ты не сделал меня замкнутым, не закрыл меня. Тяга моя к одиночеству не залегает на дне, постоянно она вылезает из какой-нибудь расщелины моего бытия, оказавшейся просторней, чем я предполагал. Ты идешь именно этой дорогой — и медленно начинаешь формировать меня изнутри.

Ты формируешь меня наперекор тому, что я навоображал о себе сам, но в согласии с тем, кто я. Так стоит ли тогда удивляться, что Ты во мне сильнее меня? Ты способен проникнуть в меня с помощью ребенка, и ломается во мне сопротивление. Ничего не остается от одиночества, которым я силился Тебе противостоять, зато как глубинно себя выражаешь Ты! Я начинаю утрачивать ощущение, что это Ты выражаешь Себя во мне, и мниться мне, будто я выражаю себя в себе. Так будет до тех пор, пока не заболит любовь. Захварает невыполнимостью, отсутствием «я» в другом дорогом «я», или наоборот... Но именно тогда и становится очевидным, что человек не может исключить из своего сознания слово «моё», он должен следовать за ним. А слово это зачеркивает одиночество.

По прошествии времени я сумел уразуметь, что Ты не хочешь, чтобы я был отцом, не будучи сыном. Сын — весь Твой, и Ты о Нем постоянно думаешь «Мой», и произносишь его с абсолютной доказательностью, во всей его основательности. Без нее это слово — сплошной риск, как, впрочем, и сама любовь. Зачем же тогда Ты наградил меня любовью, если в ней столько риска? — Вот Сын Твой берет на себя риск Отцовской любви даже там и в отношении того, что не Он и что им не является. Как же должно заболеть слово «моё», если то, что оно означает, превращается в «не-моё»? Не без ужаса представляю себе старания и усилия Твоего Сына, величие Его любви. Как много Он на себя принял? В скольких проник напрасно? Скольких должен наполнить собой? Ведь во всех нас сидит этот общий знаменатель, в котором наперекор всякой логике существования слова «моё» всё время старается вытеснить «Твоё».

Разве я смог бы стать сыном? Не захотел им быть. Принять страданий, к которым неминуемо приводит риск любви. Считал, что я его не одолею. Слишком пристально всматривался в себя, в своё «я», видел одни лишь его возможности.

Явился Твой Сын, а я по-прежнему общий знаменатель внутреннего одиночества человека. Твой Сын решился в него проникнуть. Потому что Он любит. Одиночество противостоит любви. Однако там, где кончается одиночество, любовь и проявляет себя в страдании. Твой Сын страдал. Потому, что во всех нас сидит общий знаменатель непретворённого одиночества Для Тебя, Отче, это одиночество противится тому простому смыслу, которое вкладываешь Ты в слово «моё».

Кто захотел, чтоб истина, заключенная в этом слове, пересоздала наше одиночество? Я, породивший его? Нет, только Он — Твой Сын — мог возжелать это.

Принять на себя свечение отцовства не значит «стать отцом», гораздо больше: «стать ребенком» (стать сыном). Будучи отцом многих, я должен быть и их ребенком: чем больше отцом, тем больше ребенком.

Я с восторгом взираю на Сына, но преобразиться в Него не способен. Да, взираю с восхищением. Сколько в Нем человеческого! Он живой контраст всякому одиночеству. Когда б мог я в Него погрузиться, проникнуть, извлек бы из себя я ту Любовь, которая меня переполняет. Именно такая любовь открывает Отца в Сыне, а в Отце через Сына возникает Возлюбленный. Отец и Возлюбленный: как же сильно заботится Он о каждом, словно о великих сокровищах, словно о неповторимом благе, точно любящий о любимой: Возлюбленный и Сын. Всё это мне ведомо.

Но разве достаточно знать? Ведь и владея знаниями, я по-прежнему могу распространить на всё всегдашний общий знаменатель одиночества — внутреннего моего одиночества, избранного для того, чтоб оставаться собой и не быть никем иным. На том покоится мой мир. Но если он является еще и «нашим» миром, тогда его де-

ла, история перенасыщены духом «моего» одиночества — так происходит в любом из нас.

Этот мир развивается, так можно думать, но он распадается. Нет того, что спасало б его в самых глубинах, добиралось до всех частичек и всё соединяло. А значит, мы должны признать возможность полного распада мира, который создается пресыщенным нашим одиночеством — «общим одиночеством».

В итоге может случиться и так, что Ты отринешь наш мир. Позволишь ему рассыпаться вокруг нас в прах, но прежде всего — в нас самих. И тогда окажется, что весь ТЫ остаешься только в СЫНЕ, а Он — в Тебе, и Ты вместе с Ним — в ВАШЕЙ ЛЮБВИ.

Отец и Возлюбленный.

Остальное неважно и несущественно, кроме единственного: отец, дитя и любовь.

И тогда, с удивленьем глядя на элементарные проблемы, мы спросим себя: неужели всё это нельзя было предвидеть? Разве не таилось оно всегда на дне сущего?

Из цикла
Паломничество к Святым местам

Оливковый сад

Кусочек земли выхвачен из листвы, как из зарослей времени,
из потока, что хрупкую чашу наполнил:
возникла в трещинах скал.
Кусочек земли... Запечатленный во взгляде Твоем
или мною увиден?
Тебя оливы низкорослые не скрыли.
А ныне? Что влечет меня сюда? Что манит?
Всех взоры два тысячелетия прикованы
к Тому, в Чьем взгляде пребывает вечность.

Иудейская пустыня

Земле не скажешь этой: «Ты красива!»
Под скалой, уходящей в нависшие тучи, бронзовый скат.
Ветер и дождь пересекают машины.
Здесь не найти ничего, что на зелень похоже.
Вдали от людей. Разве можно тут жить?
Дороги ведут не сюда, а отсюда.
Ты пришел. Чтоб сказать: «Ты красива» — земле?
Равнодушия край, Ты в поиске людей.
Чтоб найти их, где-то надобно жить.
Ты предпочел пустыню.
Здесь Место Уникальное —
Земля возникла благодаря ТОМУ, КТО ЕСТЬ.
Но Кто с землею Сам не встретился.
Творение — что состоялось:
как вещи обладание,
как жизни утверждение.

А что такое встреча?
Прикосновение (но не к Тебе)?

Быть кем-то по отношению к себе
(или к ТОМУ, КТО ЕСТЬ, а есть ли что-нибудь еще?) —
зависимость

(еще какая: вдруг оказаться меж началом и ничем,
что стало и что сгинуло).

Пустыня, ты жила в зависимости
с землею вкупе и с тем, что ей принадлежит!

Твоя зависимость была и остается.

Ты встреч земля! Тебя не повторить!

И всё же не скажу тебе, что Ты красива!

Во встрече исток таится расставанья.

Но чрез Тебя, Земля, нам не расстаться с ТЕМ, КТО ЕСТЬ,
пусть даже вдруг Ты перестала б существовать и развалилась
на кусочки жизней.

Там, где рождение, разлуки не бывает.

В понятии *расстаться* заключена граница,
она есть встреча — не рождение.

Рождение не знает ни границы, ни разлуки.

Пустыня, ты — не возникшая земля, но ТОТ, КТО ЕСТЬ, здесь стал
Отцом нам.

Себя ты исчерпала, когда мы родились.

Следов ни свежести, ни красоты в тебе не сыщешь.

— Но даже в юности своей была ли ты прекрасной?

Лишь в закутках твоих прекрасное скрывалось.

Подлинность

К вам иду, закутки (пусть вы не те, что были когда-то):
с мешками фиников расположились продавцы,
мальчишки бегают, показывая прохожим значки и фотографии,
обернутые в целлофан,
а на углу лавчонок зазывалы, их выкрик особый,
нет-нет, да и вставят словцо иностранное —
итальянское, английское, даже польское.

Мой путь — к закуткам: место, важно мне место, святыня. Столько сменилось камней, засыпано выбоин, песок тех времен не единожды перемешался — сосчитать и не пробуй, песчинки тогдашней не сыщешь.

Не эта подлинность сюда меня влечет, однако: тем место славно, чем оно живет.

Спешу туда, где земля навечно исполнилась.

Не для того иду, чтобы воздать тебе, а чтоб тобою полниться.

Святое место всюду свято!

О, сторона! Ты столько раз преображалась, моею становясь!

Впервые, о великий край, ты полноту познал, явившись лоном Матери Его. И мнится, будто камни, по которым в Назарет спешу, те самые — касалась их нога Его! Земля, тогда была ты для Него единственным на свете местом.

С Ним Встреча у меня по этим камням пролегла, по ним ступали и Матери Твоей стопы!

О, место, место, о, земля святая! Как много значишь ты в душе моей! Не в силах шага сделать, лишь буду на коленях я стоять. Здесь место встречи сегодня.

Коленопреклонением запечатлю себя. Оставлю след свой, я ухожу и уношу с собой тебя, земля, преобразишься ты во мне — на новом месте нового свидетельства.

Я как свидетель ухожу, свидетельствуя через все тысячелетия.

Не в камне полинность земли — сложить фундамент дома, печь, колодец — вот для чего он (колодец в Сихем здравствует поныне, с времен Иакова; там тоже встреча была — с самарянкой); нет, подлинность — в картине: виденье тут заключено.

В пейзаже том и мой есть взгляд: увидеть — всё равно, что встретить. Я странствую,

но не по камням, по виденьям, здесь все края земли сливаются в один залив виденья. Залив уходит в почву глубоко. Та почва — человек.

Мое паломничество — к подлинности. Не к камням, из которых сложен фундамент дома или мостовая, а, может, печь. Бывает подлинность пейзажа. Туда мой путь. В места святые.

Гора Фавор: вид подлинности с высоты. Медленно вверх поднимается Галилея своими (сколько труда!) полями, каждым кибутцем, свечением своим он вечером напомним о себе. Озноб заходящего солнца картину эту дополнит.

Генисаретские берега. Подлинность, когда находишься в Капернауме, Вифсаиде или Магдале. В мелкой прибрежной воде несколько камней найдешь, чтоб положить на рабочую руку рыбака над Нотеццей.

В простор войти и выйти из него.
Подлинность от вдохновения.
Места единения скорее в нас самих, не на земле.

Дерево

К этим местам Авраам направлялся — человек встречи великой (*tres vidit et unum adoravit*). В мир внешний принес он свой собственный, внутренний мир, соединив всё с местами, где планета Землею становится. Жилищем. Авраам — зримое начало нового Адама. Путь сюда пролегал пустыней. Бредя по пустыне собственного «я» в поисках пастбищ, он Дерево увидел (*tres vidit et unum adoravit*) и подошел к Нему. Раскинув ветви, Ты тень даешь всему живому: растениям, зверям и людям. Путь Авраама пройти должен каждый.

Увы, сегодня, когда и двух часов достаточно, чтоб с помощью Arabic Airlines сюда приехать, чего добились мы? Неужто безразличны к просторам земли старушки мы? Спокойно пролетаем над Синаем, а ведь когда-то с отвагой в сердце стремились мы к горе.

Земля, земля! Утоли вечную жажду знаний! Места, что были пустыней, да превратятся в оазис! Человек только там расцветает, где Ты есть!

Так приди и позволь человечеству цвести!

Разве эти места заменимы? Вас много, цветущие края, вы — везде, вчера вы были, будете вы завтра... Но там, где расцветает человек, всё уникально: здесь Крест вознесся!

К этим местам народ шел пустыней.

Тут место встречи — последней и первой.

Земля, не знающая разлуки, себя подтвердила!

Человек, что расцвел, не находится там, где людское жильё давно поднялось над верхушками леса.

Люди, домов не имевшие, жильё обрели на Новой Земле через Крест!

Ныне Его здесь не сыщешь. Даже скалы не увидеть, где Он стоял.

Дома возвели здесь — случайные, но у всего есть свой смысл.

Случайная архитектура глубоко значима.

Часть или грань — отраженье единого.

А единое место — жилище: для всех встреч и народов.

Вне Тебя — ощущение бездомности.

Земля свершений, в Тебе начало нового Адама свою обрело границу.

Граница — еще одно начало: всех нас. И моего.

Что следует из этого?

Человек появился на свет для того, чтоб цвести, как цветы?

Но цветы и звери повсюду, человек же бездомностью мучим.

Свою потерянность он пестует, растит, там развивается, где место есть особое

и где архитектура — сама случайность.

Случайно любое место, но в нем он смысл черпает — как воду.

Крест — колодец Иакова.

**Из цикла
Навечерие Пасхи 1966**

О раненом дереве

Был сад, и привитое дерево было.
Мешко — король, в тени пребывая, глядел
и не видел садовника, сада не видел, не находил и прививок.
Не отведаю добрых плодов, если вырастут, — думал с досадой.
Дети отведают, внуки и правнуки.
Разве мой сад плодоносит? Какие плоды признаются людьми
как хорошие?
Не бойся, садовник, надрезать кору. Доверься деревьям:
станет жизнь от надрезов сильнее, вновь потом возродится...
На себя, как на ствол, посмотри ты,
увидишь, что волей твоей ЧЕРЕНОК разрастается.

В Навечерие Пасхи 1966

В эту ночь при гробе Твоем мы себя ощущаем Единою Церковью —
ночь борьбы, что ведут непрерывно надежда с отчаяньем в нас.
И борьбы этой отсвет — в битвах истории нашей —
полнится ль смыслом? (Обретает его иль теряет?)
В эту ночь величаяя поступь земли возвратится к своим истокам.
Тысяча лет — ночь ожидания при Гробе Твоем.

Вникая в суть драмы...

1

Без языка моего вокруг словно пропасть. Недостаток, что
я унаследовал
с колыбели?
Свобода — то, за что воюют, что толку ею обладать? Она как дар,
но без борьбы ее не сохранить. Дар и борьба незримостью своею
явственны.
Бесценна свобода, названья нет тому, что в долг не возьмешь
и, себя не познав, не освоишь.
Так входим мы в историю, прикасаясь к ее эпохам,
не ведая, на чьей мы стороне: где не скупилась отдавать или на
той, где жались?
Самоопределения в избытке — равно ль оно затратам
прошлых сил?
Уж не пуды ль истории мы движем, как столп, в котором
трещины не замечали?

2

Отчизна, нам и нашим предкам землю вызов брошен:
распоряжаться общим благом и
польским языком (он наше знамя!) воспеть историю.
О прошлом песнь выводят поступки с их твердостью и волей.
Мы судим юность собственную, век золотой, периоды
разделов —
рабством мерялась цена свободы.
То был ваш суд, столетия герои: вы шли навстречу земли призыву,
как темной ночи:
«Свобода нам дороже жизни!»
Мы — нация, познавшая свободу иначе, чем другие,
и справедливей
(истории здесь тайна несомненна). Всё в жертву на алтарь
самоопределения
когда свободы зов (она сильнее смерти) раздастся.

Имеем ли мы право отринуть призыв, подобный быстрому
течению вдоль
берегов крутых, высоких?
Имеем ли мы право свободу нашу измерять свободой других?
Борьба и дар! —

Вы, кто связал свою свободу с нашей, простите нас!
Послушайте! Мы за свободу — нашу, вашу! Она как дар, который
нам дается, и как
борьба, которая не утихает.

Рефрен

В размышлениях об Отчизне на память дорога
приходит, которая скат разрезает,
будто током высокого напряжения, поверху летящим — вот так
она в каждом из нас
воспарит, не позволит расслабиться.
И скат пробежав, возвращается к точке исходной — великого
безмолвия.
Каждый вечер его вдыхают усталые легкие моей земли.

Размышляя: Отчизна, — древо вижу...

Древо познания добра и зла росло у нас вдоль реки, вместе с нами,
веками,
и совести корень в Церковь встал.
Мы гнулись под тяжестью плодов, но нас они обогащали. Ствол
разветвляясь,
укоренялся в почве...
Минувшего событий слой сокрыли метанья нашей совести.
Триумф сменился крахом.

Земля, стопою меряя тебя, рассеяться мы рвемся в людях — земля
побед и поражений,

в душе у нас ты — Тайна Пасхи.

Земля, неотделима от времени ты нашего.

Учась надежде новой, мы устремились к новым берегам.

Тебя возносим, древняя земля,
ты плод любви всех поколений, вражду преодолевших.

Из цикла
Размышления о смерти

Мистерия Paschale

Течений ушедшего не оборвать. И несть числа им —
вокруг струятся и создают поле,
в котором ты не вечен,
смирясь. Но чувствуешь: рядом
что-то растёт, прибывает,
становится больше и шире.
И хотя остается во мне, что дано мне судьбою,
как и то, что хранимо детством,
ток прошедшего движется ввысь.
Тех течений ты вряд ли удержишь,
их стремление вдаль, а тебе —
точно знаешь:
ты в прах обратишься —
остаться.
К смерти двигаясь так, ты вперед уходишь.
Твое будущее неизменно.
А прошедшее — разве можно его отрезать
на пути твоего брэнного существования?
Разве отнять у бытия что было и будет враз?

* * *

Мистерия Paschale —
тайна ПЕРЕХОДА,
в которой
обратный порядок движения.
От жизни к смерти переход —
опыт и реальность.
От смерти к жизни —
тайна.

Запись из глубин,
до конца не прочитанная поныне.
Ощущаем ее,
не как противное жизни
(может, скорее ей смерть противна?).
Если ту запись раскрыть,
прочесть и собою проверить,
перейти удастся.
Мы тотчас к следам прикоснемся,
примем сакральность, в которой остался
Тот, Кто ушел...
Продолжая двигаться к смерти,
пребываем в области тайны.

* * *

Один — из нас многих,
прошел поперек всех течений минувшего,
изменив направление поля, в котором минуется каждый.
Одинок величье в основе творения.
Неповторимо.
Тот переход называется ПАСХОЙ —
мистерией:
сначала бежали к пещере, в которой держат животных,
будто в хлеву, — за звездою далекой,
потом к гробнице бежали, но она оказалась пустою
и сияньем была преисполнена,
после склоном крутым из долины потоков Кедрона,
вдоль обрывистых города скатов, где Ему уготовили смерть.
Все эти звенья смерти Своей
(долина, поток, склон, обрыв, наконец, сам город)
Он разделил
и не только отвалил камень,
но и землю сдвинул,
изменив поля движений.
Пусть по-прежнему низвергаются воды Кедрона,
и система крови в человеке не остановит смерть,

Он обозначил место иного рождения
и пред каждым открыл место той жизни,
что возносится над течением минувшего —
над умиранием.

Место то, бытием окруженное, рвущимся ввысь,
тоже воскреснет — вопреки смерти —
с полным неведением, в вере ль глубокой:
здесь начало таится истины непреложной.

* * *

Явлен в Тебе я надеждой,
жизнь вне Тебя невозможна:
мое Я, воспарив над смертью,
порывает с тлением плоти,
ибо я Твоему телу явлен,
каждого из нас оно наполнит силой,
дабы смерть мою могло преодолеть то Я,
что создается заново,
над смертью вознесясь
зримым и реальным очертанием, —
и также заново соединятся в нем тело души моей с душой
моего тела,
чтобы свое бытие земное
утвердить в Слове,
освободившись от мук, как сердцу — под внезапным ударом Вихря,
ничего уже не страшиться:
леса трещат, где толще ветвь, или внизу, у корня.
Вихрь, остановленный рукой Твоею,
уйдет в Молчание.

Из цикла
Искушение ищет твой образ,
чтобы разделить тревогу всех людей

* * *

Благодаря мысли мир не уходит в страну одних лишь значений.
Не уходят ни звери, ни люди, ни вазы с цветами.
Не уходят цветы на лугах одиночества,
капли крови на лице измученном...
Страна значений простирается вопреки
невостребованной любви.
Ступенькой становится.
Прелюдией.

Сестра

Нам не даны готовые пути,
на свет мы появляемся, как в гости.
И подобно купине — кусту Моисееву,
способны пылать. Или просто засохнем.

Продолжай же искать, и с пути своего не сворачивай,
утопчи так дорогу, чтоб стала легка и свободна,
чтоб в любую минуту время нам открывалось
вечностью, в ней зерно простоты созревает.

Имя

Имя твое возникло среди людей, еще раньше приметивших
тропку,
которой бежала ты вместе со всеми в направлении места Казни.
Ты внезапно решила бежать или с Ним была в самом начале?
Но давно ли? — скажи, Вероника!
Имя возникло в тот миг, когда сердце твое преобразилось в образ.
Истины образ.
Имя твое из взгляда возникло.

* * *

Вероника, никто тебя не остановит.
Ты рядом. А твой платок — вопль оцепеневших сердец,
не ринувшихся за тобой, чтоб увидеть:
твой путь — вдоль Крестного пути.

**Из цикла
Станислав**

Был человек, в котором земля моя заприметила, что связана
с небом.

Был человек, были люди, будут еще...

С ними земля себя видит в таинстве нового бытия,
Становится отчизной — здесь Дом Отца начинается. Отсюда
восходит.

Церковь воспеть хочу в человеке, чье имя Станислав.

Это имя мечом вписал в хроники древние король Болеслав.

Имя мечом на паркете собора,

Когда по нему струйками кровь стекала,

Он начертал.

* * *

На почву нашей свободы падает меч.

На почву нашей свободы падает кровь.

Что перевесит?

Кончается первый век.

Начинается век второй.

Мы держим в своих руках неотвратимого времени КОНТУР.

Комментарии

Перевод стихов «Люблю тебя, душистое сено...», «Когда на грусть нисходит вечер...», «Чем выше милость...», «Песнь о блеске воды», «И капле вешнего дождя пространство нужно», «Спутникам», «Слепцы», «Актер», «Молодые», «Мысли человека», «Рабочий автозавода», «Рабочий военного завода», «Стена», «Пол» — Александра Махова. Перевод остальных публикуемых стихов — Елены Твердисловой.

Стихотворение «Матери», посвященное десятилетней годовщине смерти матери Кароля Войтылы, вошло в сборник «Славянская книга» («Ренессансный псалтырь»). Это сочинение, изданное в 1996, — самое раннее из на-

писанного. Оно было завершено, как указано в рукописи, «в день св. Иоанна, 1939». Само же стихотворение открывает сборник «Поэзия и драмы», изданный в Польше вскоре после избрания Кароля Войтылы Папой. *Wojtyła K. Poezje i dramaty*. — Kraków, 1987. По нему и сделан перевод.

Рапсод «Слово-Логос» также вошел в «Славянскую книгу» (или «Ренессансный псалтырь»). Посылая отдельные его фрагменты М. Котлярчику, К. Войтыла признавался, что эти «разработки» были рождены «весенней тоской» и стали выражением «запросов его души и сердца». «Идею, что в нас заключена, необходимо уточнять, вскрывать течение, пересекающее поток нашей молодости, который ранее выявиться был не в силах. У этого потока в нас общий исток: глубинная любовь — свобода славянская и сарматская, и уже не жажда, а требование прекрасного... Оно — не искусство, чтобы быть лишь реалистически правдивым или пусть только игрой, но прежде всего надстройкой, взгляд, устремленный вперед и ввысь, сопутствующее начало религии и провожатый в пути, ведущем к Богу; измерение такой любви — романтическая радуга: от земли и человеческого сердца к Бесконечности» (*Kalendarium życia Karola Wojtyły*. — Oprac. ks. Adam Boniecki MiC. — Kraków, 1983. — S. 65).

Перевод сделан по изданию: *Wojtyła K. Psalterz — Księga Słowiańska*. — Kraków, 1996. — S. 44–53.

Каких-либо указаний на «родословную» этого рапсода практически нет. Одним из первых написал о нем исследователь творчества Кароля Войтылы, которому, кстати, принадлежит и право на одну из его публикаций, Станислав Дзедзиц: «Уже перед самым началом Второй мировой войны Войтыла сформулировал в поэтическом слове его сакральную, чуть ли не священнически жертвенную миссию. Владение, а не спекуляция словом, является силой, превосходящей компетенцию великих протагонистов, «старцев», входящих в святые здания театра. [...] Преодолевая все течения и противостояния, веря в исключительную силу воздействия Слова и искусства, он призывает этих великих протагонистов, дабы произведение Всемогущего Резчика! — Свет Любви — они вынесли на стезю человеческой жизни [...] Как бродячие рапсоды, он продирается к людям, испытывающим жажду по песне, говорит о временах минувших и о повседневности, несет им идею слова». Подразумевая под песней особый рапсодический жанр (о чем см. ниже), польский исследователь подчеркивает значение молитвенной интонации не только данного поэтического цикла, но и как такового слова, конечный смысл которого в молитве «Отче наш» (*Dziedzic S. Słowiański piesniarz na gościńcach Pana. O młodzińskich peregrynacjach w juweniliach poetyckich Karola Wojtyły*. — *Peregrinus cracoviensis*. — Z. 5, 1997. — S. 103–116).

Один из важнейших источников инспираций цикла — в самом его заглавии «Слово-Логос», а также в концепции Рапсодического театра (возникшего под руководством М. Котлярчика в совместных с Войтылой поисках такой театральной концепции, которая отвечала бы их концепции слова). Спустя много лет К. Войтыла назвал ее «концепцией чистого слова». Рапсод, оче-

видно, стал и своеобразным прообразом складывавшейся тогда модели театра, в становлении которой поэт принимал самое непосредственное участие. Другим источником, по-видимому, была национальная традиция, в частности эпопея Ю. Словацкого «Король-Дух», также написанная рапсодом. Но в отличие от Словацкого, у которого рапсод одиннадцатисложный, К. Войтыла создает десятисложные октавы. Объединенные внутренней идеей, они тем не менее самостоятельны и независимы. Связующая тема рапсодий, или песен, — слово в эволюционном развитии его духовности от самых истоков до христианства (эта идея стала основополагающей и в великом научном труде М. Котлярячика «Искусство живого слова»).

Рапсод по-польски означает и песнь, и певца. Автор видит (а точнее надо бы сказать — предвидел) и в себе рапсода — того, кто, слагая песнь, не просто исполняет ее перед слушателями. Его задача более сложная: он воспевает Слово в его исторической перспективе — в неразрывности прошлого с будущим, в поэтическом постижении Словом-Знаком путей зрелости человеческой духовности. Но здесь рапсод тесно переплетен с другим понятием — Логос, причем оба этих значения как бы находятся в стадии становления: наряду с рапсодом-певцом, который появляется в Греции, и в ее философии начинает формироваться понятие Логос. Не случайно в рукописи Логос в названии написан по-гречески.

«Философ Гераклит изображает логос как то, познание чего требует совершенно особых усилий и предполагает изменение обычных установок сознания. Логос — «слово», «речь» самой вечной природы. Об этом важнейший фрагмент Гераклита, переданный Секстом Эмпириком: «Эту вот Речь (Логос), сущую вечно, люди не понимают и, прежде чем выслушать [ее], и выслушав однажды. Ибо, хотя все [люди] stalkиваются напрямую с этой вот Речью (Логосом), они подобны незнающим [ее], даром, что узнают на опыте [точно] такие слова и вещи, какие описываю я, разделяя [их] так, как они есть. Что же касается остальных людей, то они не осознают того, что делают наяву, подобно тому как этого не помнят спящие» (1, 189). ...Логос в понимании Гераклита — то, что присуще всем и всему, то, что всем и через всё управляет» (Идея логоса // История философии: Запад — Россия — Восток. — М., 1996. — С. 59).

Греческое слово Логос первоначально означало речь или слово — с точки зрения внешней, то есть формы, и смысл или мысль — с точки зрения внутренней, то есть содержания. Следовательно, первоначально Логос — это рассуждение о каком-либо предмете, как и способность рассуждать вообще. Сформировавшись как философское понятие, Логос-мысль всё более абстрагируется от того явления, которое выражает.

«Задолго до начала христианства, — пишет В.В. Розанов в статье «Место христианства в истории», — в светлой и жизнерадостной Греции появился странный человек: двадцати пяти лет изгнанный из родного города, он долго странствовал по Элладе, и куда он ни приходил, он повсюду встречал отчуждение и неприязнь... Переходя из страны в страну, он слагал рапсодии, и в их характере исключительно мы должны искать объяснения его странной судь-

бы. Чем-то непохожим на все, что до тех пор видела и знала Греция, веяло от этих рапсодий; в них слышалось новое и незнакомое настроение души, слышался разлад со всей окружающей действительностью, с историей, поэзией и религией... Ему чуждо всё греческое мирозерцание, он враждебно смотрит на светлый мир Гомера, желчно смеется над Олимпом... Он борется против антропоморфических представлений родной религии и противопоставляет им свое убеждение. «Один есть Бог, — говорит он, — ни видом, ни мыслью не похожий на смертных; Он весь — зрение, весь — слух, весь — мысль, и без труда Он господствует над миром Своим умом»; он учит, что это единое Божество вечно и неизменяемо, что оно неподвижно и нераздельно.

Рапсод этот был Ксенофан Колофонский. На 90-м году жизни он пришел в Великую Грецию и здесь умер в городе Элее. Только один человек из всех, кто знал и слышал его, воспринял его мысли и дал им дальнейшее развитие. Но и этот единственный ученик относился к нему неприязненно, холодно: мысль, оставленную Ксенофаном, он воспринял как тягостное, как постылое бремя, до того противоречила она всему складу греческой души.

То, что было у Ксенофана на ступени смутного сознания, у Парменида обставилось стройными доказательными, против которых даже и в наше время трудно было бы привести основательные возражения. Живой, многообразной и изменчивой действительности, о которой говорят нам органы чувств, в которую так глубоко был погружен грек, вследствие объективного склада своей души, — этой действительности он противопоставил понятие о чистом бытии, чуждом изменчивости и множественности, и первый показал, что оно одно может стать предметом истинного и вечного знания. Недоступное ни зрению, ни осязанию, оно открывается единственно мышлению, и, следовательно, в нем одном должен состоять процесс познания; все же, о чем свидетельствуют нам чувства, есть лишь призрак, фантом, о котором мы не можем думать, не впадая в противоречия» (Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. — М., 1992. — С. 25–26).

Парменид был тем философом, с которого Логос-мысль начала противопоставляться явлению в своей диалектике, в связи с чем, — как и с развитием словесности — возникает сугубо формальный подход к слову, то есть оно начинает изучаться как «искусство слова» (риторика). Постепенно Логос складывается в философское понятие, которое становится не только формой, внешне определяющей собою вещи, но и их производящей причиной и конечной целью (Аристотель, отчасти Платон).

Из сказанного выше можно сделать вывод, что для К. Войтылы написание Логоса по-гречески имело значение и некоего указания на его понятие, сложившееся именно в эпоху античности. Можно также предположить, что дефис между двумя словами: Слово–Логос, скорее всего, свидетельствует не об их противопоставлении, а наоборот, о сближении слова людского, смысла и искусства речи и — Слова Божественного, в своем окончательном виде слившихся в молитве «Отче наш», произнесенной Словом Воплощенным — Христом (так завершается цикл).

Поскольку в тексте нет прямого противопоставления понятий Слово и Логос, а также учитывая то, что Логос встречается только в названии, мы старались, во избежание повторов, использовать, где позволял смысл, наряду со словом и другие его синонимы, такие, например, как речь, глагол. Нам хотелось бы также обратить внимание и на то, что автор данного поэтического цикла использует исключительно польское *slowo*, имеющее своим источником старославянское слово, и ни разу — его в некотором роде синоним — *wyraz*.

Песнь I

Таинству сада в ночи внимаю... — подразумевается образ Гефсиманского ночного сада.

Песнь II

жажду — «отверзись» — я чуда в ответ... — цитата из Евангелия: «Привели к Нему глухого, косноязычного, и просили Его возложить на него руку. Иисус, отведя его в сторону от народа, вложил персты Свои в уши ему и, плюнув, коснулся языка его; и возрев на небо, вздохнул, и сказал ему: «еффафа», то есть «отверзись» (Мк 7, 32–34). К сожалению, ритмика этого стихотворения не позволила нам включить в него употребляемое автором слово *еффафа*, которое с арамейского переводится как «отверзись», «откройся».

Песнь III

Феникса образ в тумане тает... Феникс в греческой мифологии — волшебная птица, которая, по одной из версий, сама себя сжигает, предвидя свой конец, но из пепла тотчас же появляется новая птица; символ возрождения.

Песнь V

Душу излей ты в исповедальне... У католиков священник, принимающий исповедь, находится в специальном месте, которое называется «исповедальней».

Песнь VI

... встал Обелиск, звучащий, как гимн... Упоминаемый здесь Обелиск (а также в других песнях — Пирамида, Монумент, Памятник, Факел) восходит к бесчисленным обелискам, которые окружали когда-то Храм Солнца Ра в Гелиополе (Илиополь, в Ветхом Завете — Бефсамис), куда, по преданию, направился, спасаясь от гнева Ирода, Иосиф с Марией и Младенцем; где обучался древним премудростям Иосиф, проданный в рабство братьями, и где воспитывался молодой Моисей.

У древних египтян Обелиск имел форму четырехгранного, сверху суживающегося столба, увенчанного заострением в виде пирамиды, символизируя лучи Солнца.

«Именно Гелиополь создал обелиск как простейший символ Солнца. Пира-

мидки, венчавшие эти высокие и стройные каменные колонны, испещренные иероглифами, первоначально были покрыты листовым золотом, так что верхушки обелисков вспыхивали в лучах восходящего и заходящего солнца подобно исполинским огненным факелам. Высокие каменные колонны уже сами по себе символизировали торжество сил выпрямления, дарованных духовным Солнцем земному бытию и нашедших выражение не только в устремленности кверху растений, но прежде всего в вертикальной фигуре человека и устремленности человеческой души к небу» (Бок Э. Детство и юность Иисуса. — М., 1996. — С. 112).

Ссылаясь на исследование французского историка А. Море, о. Александр Мень замечает: «Такие грандиозные сооружения должны были родиться подобно готическим соборам, в результате массового воодушевления. Колоссальные трудности, связанные с возведением этих рукотворных гор, не могли быть преодолены только при помощи бичей. Люди должны были верить во что-то, когда создавали пирамиды» (Протоиерей Мень А. История религии: В поисках пути, истины и жизни. — Т. 2: Магизм и единобожие. — М., 1991. — С. 71).

«Все, кто осматривал Рим, пусть хотя бы мимоходом, как и те, кому он знаком по телевизионным трансляциям папских аудиенций, хорошо знают, как выглядит площадь Святого Петра. Ее окружает монументальная колоннада, построенная в XII в. римским архитектором Джованни Лоренцо Бернини, а посреди площади водружен высокий египетский обелиск, увенчанный крестом. Обелиск — неотъемлемая часть ватиканского пейзажа, и, наверное, мало кто из участников вышеназванной церемонии задумывается над тем, откуда он там взялся и какой была его история», — пишет польский журналист Ежи Чеханович (Ciechanowicz J. Obelisk watykański. Wędrowki śródziemnomorskie// Życie warszawskie. «Sobota» — dodatek. — 31 maja — 1 czerwca, 1997. — S. 3). Как раз этот обелиск и должен был бы представлять себе молодой тогда Кароль Войтыла, создавая свои рапсоды.

Одним из первых начал вывозить эти памятники в Европу император Август после покорения им Египта, а затем Калигула и Константин Великий. В настоящее время такие обелиски есть в Риме, а также в Париже, Лондоне и Нью-Йорке.

Песнь VIII

Посвящена античному театру (который автор называет буквально «театроном» — по-гречески) и его роли в развитии и утверждении Слова в его христианском понимании.

Песнь IX

К вам я взываю, протагонисты!.. (греч. *protagonistes*, от *protos* — первый и *agonistes* — состязающийся на общественных играх) — первый из трех постоянных действующих актеров древнегреческого театра, актер на первых ролях, иг-

равший вместе с другими актерами (девτεραгонистами), которых мог сам себе подыскивать. Протагонист также — победитель на конкурсах.

... *стрелами Феба*... — Феб в древнегреческой мифологии — один из эпитетов Аполлона — божество света.

Летят по Вахха лесам... (а также Диониса, Бахуса) — в античной мифологии (Дионис и Вахх — греч., Бахус — лат.) бог плодородия, мира растительности, виноградарства и виноделия, олицетворение витальных сил природы. «Религия Диониса прежде казалась настолько необъяснимой и чуждой «гомеровской» традиции, что эту главу в духовной истории греков предпочитали замалчивать или умалять ее значение. Если вера в Олимп шла по пути очеловечивания богов, то здесь, напротив, основной чертой было «расчеловечивание» самих людей... Дионисизм показал, что под покровом здравого смысла и упорядоченной гражданской религии хлопотало пламя, готовое в любой момент вырваться наружу», — так характеризует культ Диониса о. А. Мень (Протоиерей А. Мень. В поисках пути, истины и жизни. — Т. IV: Дионис, Логос, Судьба. — Брюссель, 1992. — С. 54).

Песнь X

Мастер ее, как железо, ковал... Можно предположить, что здесь речь идет о скрижалях с письменами, которые в виде законов и заповедей были получены Моисеем от Бога на горе Синай (Исх 24, 12).

Песнь XI

Стало Слово плотью... — в польском тексте почти дословная цитата из Евангелия (Ин 1, 14).

Песнь XII

На Крестном пути стопы стигматом... Стигмат переводится с польского как знак, печать. Однако здесь, по-видимому, имеется в виду его другой смысл — знаки на теле, подобные тем, которые остались на теле Распятого Христа — следы гвоздей, тернового венца и т.д.

Песнь XIII

Ведома нам закрытая книга... Скорее всего, речь идет о книге за семью печатями, о которой говорится в Откровении Иоанна Богослова (Откр 5, 1–10): «И видел я в деснице у Сидящего на престоле книгу, написанную внутри и отвне, запечатанную семью печатями. И видел я Ангела сильного, провозглашающего громким голосом: кто достоин раскрыть сию книгу и снять печати ее? И никто не мог, ни на небе, ни на земле, ни под землею, раскрыть сию книгу, ни посмотреть в нее. И я много плакал о том, что никого не нашлось достойного раскрыть и читать сию книгу, и даже посмотреть в нее. И один из старцев сказал мне: не плачь; вот лев от колена Иудина, корень Давидов, победила, и может раскрыть сию книгу и снять семь печатей ее.

И я взглянул, и вот, посреди престола и четырех животных и посреди старцев стоял Агнец как бы закланный, имеющий семь рогов и семь очей, которые суть семь духов Божиих, посланных во всю землю. И Он пришел и взял книгу из десницы Сидящего на престоле. И когда Он взял книгу, тогда четыре животных и двадцать четыре старца пали пред Агнцем, имея каждый гусли и золотые чаши, полные фимиама, которые суть молитвы святых. И поют новую песнь, говоря: достоин Ты взять книгу и снять с нее печати, ибо Ты был заклан, и Кровию Своею искупил нас Богу из всякого колена и языка, народа и племени, и соделал нас царями и священниками Богу нашему; и мы будем царствовать на земле».

Песнь XVIII

Вся Песнь посвящена Предтече Христову — Иоанну Крестителю, который был сыном престарелого священника и жены его Елизаветы (Лк 1, 13), родился за 6 месяцев до рождения Христа. События до и после рождения Иоанна Крестителя описаны евангелистом Лукой (Лк 1, 1–80). Будучи предвестником Иисуса Христа и «гласом вопиющего в пустыне», Иоанн Креститель приготовлял народ к Его появлению, призывая к покаянию и духовному обновлению, он совершал омовение в воде, воспринимаемое как обряд, и крестил Иисуса Христа. Вскоре после их встречи Иоанн Креститель, обличавший пороки общества и прежде всего «правителя четырех городов» — тетрарха Ирода Антипу за его распутную жизнь, был заключен в темницу и казнен путем усекновения главы.

Рукою правой ветвь пальмы сжал он... Ветвь пальмы — в поэтике К. Войтылы — символ победы и мученичества (с пальмовой ветвью предстает герой его пьесы «Иеремия» брат Анджей (Андрей Боболя).

В Троицной короне свету представ... — провозвестником Святой Троицы.

Песнь XIX

Ср. «Созвав же двенадцать... послал их проповедовать Царство Божие и исцелять больных. И сказал им: ничего не берите на дорогу: ни посоха, ни сумы, ни хлеба, ни серебра, и не имейте по две одежды» (Лк 9, 1–3).

Песнь XX

В этой Песни можно усмотреть сформулированную К. Войтылой в поэтической форме историко-культурологическую концепцию, подразумевающую духовное развитие человечества в его непрерывности, отсюда — и отношение к памятникам древнеегипетской цивилизации не только как к своеобразному истоку религиозной духовности человечества, а более широко — лишь ее отдельному этапу.

Песнь XXII

Действо Даров начнем... — Дары святого Духа или благодати — особое прояв-

ление сил Святого Духа в верующих христианах для созидания Церкви и Спасения. Учение о Дарах изложено ап. Павлом (1 Кор 12–15; Рим 12, 3–9). Дары Святого Духа подаются через помазание священным миром (Христос по-гречески значит Помазанник). Ему сообщены все дары Святого Духа и Ему свойственны знания пророка, могущество царя и святость первосвященника.

Песнь XXIII

Эй, там — хоревты, протагонисты... Хоревт — участник лирического или драматического хора древнегреческого театра.

... ключи сожмите крепко литые... — поэтический образ новой жизни.

Песнь XXIV

... неопалимый куст Моисея... — Неопалимая купина, или терновый куст, близ горы Хорив, где Моисею явился Бог с призывом избавления народа от египетского плена. Моисей смотрел на куст и видел, что он горит, но не сгорает (Исх 3, 2). В учении Отцов Церкви, как и в религиозных сочинениях, это видение имеет символический смысл: несгорающая купина — Богоматерь, пребывающая нетленной и по воплощению и рождении от Нее Сына Божия.

Факела честь — согласие в вере... — дословно в поэтическом тексте говорится об Обелиске — как символе согласия (напомним, что в Париже Обелиск был установлен Наполеоном на площади Согласия).

Песнь XXV

На камне-угольнице — жар Слова... — Иисус Христос принес Себя в жертву за грехи человеческие: «Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне... (Евр 1, 1–2), в Сыне-Слове, ставшем человеком и родившемся от Девы», — так говорит Папа Римский в энциклике «Искупитель человека».

Песнь XXVI

Умножь чудом хлеб — всё Твоя воля!... «Толпа слушала Его долго и проголодалась. И прибег Христос к чудотворной силе размножения пяти хлебов. И увидел, какую власть дает хлеб. Его захотели избрать царем. Христос уклонился от подобного энтузиазма толпы. Но именно тогда, наверно, созрело в Нем решение: «Дам вам хлеб, которым будет Тело Мое собственное», — из проповеди Кароля Войтылы (Kalendarium życia Karola Wojtyły. — Kraków, 1983. — S. 126).

Песнь XXVIII

И смысл конечный всему — Отче наш... — единственная молитва, которая была дана людям Самим Иисусом Христом. См.: Мф 6, 9–13; Лк 11, 2–4. Размышления Иоанна Павла II об этой молитве также включены в данное издание, являясь как бы и неким уточнением, добавлением к тому, чему он посвятил рапсод «Слово–Логос».

Цикл «Песнь о Боге Сокрытом» состоит из двух частей: «Берега, тишиной на-поенные» и «Песнь о неисчерпаемом солнце». Публиковался во фрагментах на страницах журнала «Głos Kartemu» в нескольких номерах 1946–1947 годов. Вошедшие сюда стихотворения отмечены влиянием идей и поэтики испанского поэта-мистика св. Иоанна Креста, творчеством которого Кароль Войтыла начал в те годы заниматься, посвятив ему кандидатскую диссертацию.

Этот и последующие переводы поэтических циклов сделаны по изданию: Wojtyła K. Poezje i dramaty. — Kraków, 1987. — S. 68–72. — Wyd. drugie.

Цикл «Песнь о блеске воды» впервые опубликован под псевдонимом Анджей Явень на страницах газеты в 1950 г. в нескольких номерах. Воссоздает известный в Евангелии эпизод встречи самарянки у колодца «близ участка земли, данного Иаковом сыну своему Иосифу», с Христом, когда оставив Иудею, Он возвращался в Галилею (Ин 4, 7–15).

Цикл «Мать» (который польские литературоведы склонны называть поэмой) впервые был опубликован в газете в 1950 г. в ознаменование догмата о Взятии Пресвятой Богородицы в Небесную славу.

Цикл «Мысль — удивительное пространство» впервые издан в этой же газете в 1952 г. под псевдонимом Анджей Явень. Здесь ярче всего проявляется характерное для Войтылы мышление пространственными категориями, которые вбирают даже и время — историческое пространство. В присущей ему пространственности находит отражение вместе с тем и тяготение автора к Земле, ее проблемам, которую, однако, он не воспринимает без Неба. В этом — своеобразии сверхъестественного мироощущения Иоанна Павла II, но это отдельная тема.

Цикл «Киринеянин, в профиль увиденный» опубликован под псевдонимом Анджей Явень: «Tygodnik Powszechny», 1958.

Цикл «Церковь» под псевдонимом А.Я. впервые издан: «Znak», 1963, № 11. Отражает размышления Кароля Войтылы о Втором Ватиканском Соборе, от-крывшемся в 1962 г., в работе которого К. Войтыла принимал участие.

Поэтическое эссе «Размышления об отцовстве» написано в 1964 г., впервые опубликовано в 1979 г. в книге Кароля Войтылы «Поэзия и драмы».

Данное произведение, главная идея которого — отец, возрождающийся в детях, получило дальнейшее воплощение в мистерии «Свечение отцовства»

(опубликовано там же). На первый взгляд может показаться, что эссе — черновой вариант мистерии. Но подобное мнение ошибочно, несмотря на то что в тексте много совпадений — до некоторой степени сюжета, образов, целых фраз и даже абзацев. У обоих сочинений, как нам представляется, при всей изначальной схожести, мысль об отцовстве, что лежит в их основе, развивается в разных направлениях.

Одно из них — взаимосвязь соответственно отца и сына и — Отца и Сына, дающая людям Любовь и взамен придуманному одиночеству человека — Адама, предлагается вечное сыновство — этой теме, в частности, посвящена и пьеса «Брат нашего Бога».

Другое направление открывает иную перспективу: в описанный Союз двоих входит еще одно начало — Вечной Женственности, Материнства, сохраняющего Возлюбленного для Невесты через рождающегося ребенка. Оба направления, то есть обе идеи по-своему внутренне логичны и завершены, как бывает законченным стихотворение в поэтическом цикле. В их соединенности просматривается глубинная связь Троицы, всех Её начал и всех составляющих той «земной» тринитарной проекции, которую мы обозначаем «семьей». В «Свечении отцовства» автор важную роль отводит проблеме названного, приемного отца, которой он уделяет внимание много и часто, в том числе и в связи со св. Иосифом (см. проповедь, ему посвященную).

1. *Ex quo paternitas...* — От которого всякое отцовство на небесах и на земле называется (лат.).
2. *Вроде бы как общий знаменатель...* — «вынесение за скобки» и «общий знаменатель» — излюбленные понятия, категории и приемы К. Войтылы, которые он использует и в своих научных трудах, операции же вынесения за скобки он уделяет внимание в «Личности и поступке».
3. *Вот Ты осуществляешь Свой замысел...* — О замысле Бога Папа Римский много рассуждает и в пьесе «Брат нашего Бога», и в разговорах — с А. Фроссаром и В. Мессори.

Поэтический цикл «Паломничество к Святым местам» возник как отклик на путешествие в Святую Землю с 4 по 12 декабря 1963 г. Впервые опубликован: «Znak», 1965, № 6.

Поэтический цикл «Навечение Пасхи» впервые издан в журнале «Znak», 1966, № 4.

1. Мешко — первый польский король из династии Пястов. В 966 г. он принял христианство и стал распространять его на своих землях, тем самым способствуя геополитическому и духовному единению поляков. При нем началось строительство церквей.

Здесь, как и в других стихотворениях, находит выражение важная для К. Войтылы символика дерева — образа человечества, его истории, как и славянства, встречающаяся и в его проповедях, в том числе в знаменитой Гнезненской, произнесенной в первый приезд на родину после избрания, в 1979 году.

Поэтический цикл «Размышляя: Отчизна...» (Краков, 1974) впервые опубликован под псевдонимом Станислав Анджей Груда в журнале «Знак» (Znak, 1979, № 1–2, s. IV–XXXI).

... распоряжаться общим благом... — одно из ключевых понятий в системе философских воззрений Иоанна Павла II, которое им разрабатывается, в частности, в «Личности и поступке» (глава «Участие»), в энцикликах на тему социального мироустройства, например, «Sollicitudo rei socialis», 1987, и др.

век золотой — XVI столетие, характеризующееся экономическим, политическим и художественным подъемом Польши, развитием ремесел и городов (Краков, ставший центром культуры, Гданьск, Люблин, позже Варшава), наук (Н. Коперник), вошедшее в историю страны как период Возрождения, его крупнейший представитель — поэт Ян Кохановский (1530–1584). Время правления королей Сигизмунда I Старого (1467–1548), Сигизмунда Августа (1548–1572, — при нем Польша пережила и «золотой век» реформации), а также Сигизмунда III Вазы (1566–1632), каждый из них по-своему способствовал, с одной стороны, упрочению государственности Польши, с другой — упадку ее власти, обострению внутренних противоречий. Этому периоду К. Войтыла посвятил пьесу «Иеремия» (1941).

... периоды разделов... — три раздела Польши между Австрией, Пруссией и Россией в 1772, 1793 и 1795 гг., в результате чего Польша прекратила своё существование как самостоятельное государство. К этим событиям Папа не раз возвращается мыслью в проповедях и выступлениях, обращенных к соотечественникам.

... Мы постоянно открываем заново и нашу, и вашу свободу... — подразумевается, по-видимому, лозунг «За нашу и вашу свободу», возникший в рядах сторонников Т. Костюшко — знаменитого деятеля национально-освободительного движения Польши, принимавшего добровольное участие в войне США за независимость 1776–1783.

Тот народ не знает величия... — Автор продолжает размышлять об избранничестве Польши — идее, которой А. Мицкевич посвятил «Книги польского народа и польского паломничества» (1832). Ср. с его высказываниями, сделанными значительно раньше — в начале Второй мировой войны, в письме к М. Котлярчику от 2.11.1939: «Итак, Польша, представляя ее, как и ты представляешь, но как не представляя до этого во всей правде. Не могу принять того положения, которое оказалось бы способным сокрушить народ Мицкевича, Словацкого, Норвида и Выспянского... И сегодня в своих размышлениях

чувствую, понимаю со всей явственностью и полной очевидностью, что Ее идея ожила в нас, как когда-то в поколениях романтиков... Думаю, наше освобождение должно стать Христовыми вратами. Думаю о Польше Афинской, но в отличие от Афин всей христианской громадой усовершенствованной. Именно о такой думали вещие пророки вавилонской неволи. Народ пал, как Израиль, ибо не увидел мессианского идеала, своего идеала, который был уже вознесен, как факел, но не осуществлен» (*Kalendarium życia Karola Wojtyły / Oprac. ks. Adam Boniecki M.C. — Kraków, 1983. — S. 47–48*).

Цикл «Размышления о смерти»: «Znak», 1975, № 3 (под псевдонимом Станислав Анджей Груда).

Цикл «Искупление ищет твой образ, чтобы разделить тревогу всех людей» («Znak», 1979, № 10) сосредоточен на образе Вероники, еще одного персонажа, наряду с Симоном Кириинеянином и Станиславом являющимся для автора истинным свидетельством истории, увиденном также в профиль. Мотив встречи как передачи духовного опыта запечатлен в ее знаменитом платце, на котором отпечатался Лик Христа. Плат хранится в соборе Св. Петра в Риме и изображение на нем носит название Вероники, вследствие чего некоторые полагают что имя является производным от *Veraiikon*, что означает «подлинный образ».

Цикл «Станислав» (опубликован в журнале «Znak», 1979, № 7–8) посвящен реальному историческому лицу — епископу Станиславу (1030–1074). Казненный королем Болеславом Смелым (1058–1080), за что тот был изгнан из страны, возбудив народный гнев, Станислав стал и первым польским святым. Он был канонизирован в XII в., обретя ореол мученика за веру и нацию. Его образ имел особую силу в период разделов Польши, которая, как и ее могучий герой, была расчленена. Согласно легенде, четвертованное тело Станислава спрочлось и вновь он явился людям: в этом чуде видели призыв к единению.

Комментарии и примечания Е.С. Твердисловой